

Цитадель летающего графа

К 70-летию гибели Антуана де Сент-Экзюпери

Вот интересно: если бы не было «Маленького принца», оставался бы Сент-Экзюпери настолько же популярным сегодня автором?

Я сейчас не о себе, в смысле не о своём личном отношении к творчеству этого писателя. В моём представлении произведения летающего графа входят в число мудрейших книг, в которых глубокие философские вопросы описываются с изяществом, достигая когдо удалось единичным литераторам. Но не посети нашу планету звёздный рыжеволосый мальчик со смехом, как у колокольчика, которому мужчина-пилот и мудрый Лис помогли познать человека, много нашлось бы читателей, которые бы взились за чтение романа «Цитадель», о котором я хочу рассказать?

Боюсь, что нет. Мы ленивы и нелюбознательны, и приходится признать, что болезнь эта прогрессирует. Масс-культура слишком избаловала нас красиво упакованной ароматизированной жвачкой для ума, чтобы мы тянулись, как встарь, к мудрым и глубоким произведениям.

Должен признаться, ещё в начале июля я был уверен, что прочитал все основные произведения Сент-Экзюпери. И сейчас, в дни, когда поклонников его таланта гложет

грусть в связи с 70-летием гибели писателя в водах Средиземного моря, я просто решил перечитать что-нибудь, «Записки военного лётчика», например, или «Планету людей».

И совершенно случайно в руки мне попала «Цитадель» — роман, которого я не только не читал, но о котором даже и не слышал!

Вот спросите у меня: о чём эта книга? И я не смогу ответить. Попросите пересказать... И я не смогу этого сделать.

«Цитадель» — философский трактат, написанный завораживающе лёгким, понятным, доступным языком. Его при желании сможет прочесть любой человек, пусть даже напрочь отвергающий философию.

Сюжет книги совсем прост. Если его вообще можно назвать сюжетом.

В некоей пустыне проживает некий народ. У этого племени есть, как полагают, вождь. Он выполняет свои обязанности: правит народом, заботится о государстве, выстраивает какую-то внешнюю политику, отправляется на завоевание соседнего оазиса... Но это всё только фон, ибо правитель, от лица которого ведётся повествование, — вождь-философ. И отец его, на поучения и притчи которого регулярно ссылается автор, также был философом.

Так вот, книга «Цитадель» — это размышления того самого правителя-философа обо всём окружающем мире, о каждом поступке самого вождя и его подданных: ограниченного генерала, утратившего цель жизни солдата, мудрого геометра, похотливой молодки, умирающего мальчика... Правитель размышляет обо всём: что такое дружба и предательство, любовь и неверность, мир и война, творчество и потребительское отношение к бытию, милосердие и беспощадность... С воззрениями автора можно спорить. Однако его невозможно обвинить в том, что он бескомпромиссно стоит на своём и не готов к диалогу ни с посторонним человеком, ни с книгой, ни с самим собой.

Не скрою: читать книгу трудно. Не потому что она непонятна — тут-то как раз всё в порядке: никакой зауми. Причина в ином. Когда в твоё сознание проникает мысль автора, тут же начинается бурный мыслительный процесс. Эта книга не из тех, о которых гласит известная присказка «писатель пописывает — читатель почитывает». Здесь

думаешь едва не над каждым тизисом автора.

Рассуждает писатель о взаимоотношении внешнего и внутреннего. Например, о том, что если неграмотный человек возьмёт в руки священную книгу, то ничего в ней не сможет понять. И суть каравана, идущего с грузом через пустыню, состоит не в веренице навьюченных животных, а в том, что он движется в однажды избранном направлении, ориентируясь на свою путеводную звезду. И «в свече главное — не воск, а сияние света».

Много рассуждает автор о смысле жизни. И приходит к такому выводу: «смысл жизни в том, на что она потрачена». И ведь есть в этом резон, есть!

Мы традиционно рассуждаем, что у жизни смысл должен иметься изначально. Что жизнь как таковая и жизнь каждого конкретного человека обязательно существуют для чего-то. И вот уже тысячи лет сотни философов и миллиарды людей ломают головы над этой загадкой. А Сент-Экзюпери просто предлагает нам взглянуть на вопрос с другой стороны. Он устраняет божественную предопределённость бытия и отдаёт самому человеку право определить смысл собственного существования.

Автор рассказывает о таком эпизоде. Некому кочевому племени, которому всё время приходилось бороться за выживание, создали райские условия: начали кормить, поить, обеспечили жильём и ничего не потребовали взамен. И люди перестали к чему бы то ни было стремиться: «Чего хотеть, если лежишь у кормушки?»

Экзюпери пишет о вырождающихся народах, о тех, что утратили волю к жизни и исчезают с лица земли. На их место приходят другие, которые не наследуют культуру ушедших, а просто на их костях создают культуру принципиально новую, свою, оригинальную, но не опирающуюся на предшествующую.

Сколько раз мне доводилось видеть в пустыне заброшенные крепости. Стоит она, пустая, только ветер гудит в проломах и бойницах... Даже отдельный дом, когда он разрушается, видеть грустно. А тут — целая крепость, оплот цивилизации, форпост некоего государства! Что стало с его защитниками? Нет ответа... Не так страшно, что они погибли — все мы смертны. Куда страшнее, что умерла культура целого народа, не стало цивилизации! Выходит, зря трудились градостроители, возводя эти стены, напрасно сражались

воины, их защищая...

Все государства складывались путём покорения более слабых более сильными. Вот и наш народ, некогда сильный и активный, нынче совсем обмельчал, и тихонько, на наших глазах, при нашем неучастии и попустительстве погружается в болото. На этом фоне все малочисленные народы, имя которым легион, начинают выдавливать русских отовсюду, давая понять, что мы свою историческую миссию выполнили и пора удалиться, освободить место другим. И проблема это не только российская, но общевосточная.

Понятно, что представитель древнего аристократического рода Антуан де Сент-Экзюпери и в страшном сне не мог себе представить, что будет твориться в наши дни. Но ведь предвидел он нечто подобное, когда писал: «И придут племена из пустыни, и построят другое царство». Обрати внимание, читатель: царство не «новое», а «другое»!

Разве не то же мы видим, когда в наши города, в наши сёла всё активнее и наглее внедряются чужие обычаи и порядки? Я отнюдь не против того, чтобы к нам приезжали другие люди. Но я не желаю, чтобы они уничтожали нашу культурную среду и на её месте возводили свою!

Когда видишь, куда катится мир, голова крутом идёт! Одна страна присвоила себе право решать, кто прав и кому засылать экспедиционный корпус внедрения демократии. И всё это прикрывается демагогией, сведённой под лозунг «права человека».

В романе «Цитадель» Антуан де Сент-Экзюпери много размышляет на эту тему. Он всесторонне рассматривает вопрос о соотношении демократии и насилия в государстве, о балансе прав большинства и меньшинства, о необходимости принуждения человека или групп людей к соблюдению общепринятых норм поведения.

«Почему я должен прислушиваться к голосам, защищающим гниль?» — спрашивает писатель. Ну, прямо вопрос к нашим «правозащитникам», которые взяли на себя миссию насаждать пороки в качестве норм повседневной жизни.

Нет, автор не призывает бороться с инакомыслием как таковым. Он выступает за мудрость правителей, которые умеют отделить зёрна от плевел. Ведь, по мнению Экзюпери, в формировании здорового общества огромная роль принадлежит правителю. Думается, это

и в монархическом государстве непросто, а уж в демократическом...

Отдельного разговора заслуживают размышления автора о вере.

«Когда умирает вера, умирает Бог. Он кажется никому не нужным». Опять заметьте: не «становится», а именно «кажется»! Тонкое различие, не находите?

Во времена гонения на церковь, когда для того, чтобы пойти в храм, требовалось если не мужество, то по крайней мере готовность совершить поступок — тогда и вера у людей была искреннее. Сейчас крестик на шее — это легко и общепринято. Храмы, часовни — на каждом шагу... А вера у человека где?

И об этом рассуждает автор. По его мнению, вера — это нечто альтернативное животному потреблению материальных благ. Она нужна не телу, она нужна душе!

Важное место в книге занимает тема патриотизма.

На что человек способен ради родины? И вообще: что есть родина? Например, автор подмечает, что с упадком царства снижается и уровень нравственности его граждан. Какая тут связь, что в этой связке первично? Государство хиреет потому, что его гражданин слабеет душой, или же человек падает духом, чувствуя, что живёт в слабеющей державе?.. Если сегодня отовсюду в адрес государства несётся только «Дай!», то что ж удивительного, что в ответ всё отчётливее слышится треск опор, которые уже не выдерживают возрастающую нагрузки...

И напоследок не могу не сказать о творчестве. О, сколько об этом писано-говорено, сколько вокруг этого вопроса копий сломано! Откуда оно берётся, творчество? Зачем оно? Не оно ли, вернее стремление к нему, выдвинуло человека из животной среды?

«Освободи человека, и ему захочется творить!», — считает Сент-Экзюпери. У меня напротив этого утверждения стоит знак вопроса. Мы знаем, что далеко не каждый человек, оказавшись в райских условиях, займётся творчеством. Но когда, на мой взгляд, в другом: человек подневольный нередко создаёт более совершенные творения. Возьмите нашу отечественную культуру! В советские времена свободы было меньше, а творческих умен — куда больше. А нынешняя свобода во что выливается. То-то же...

Николай СТАРОДЫМОВ

Светлый образ родного Алтая

К 40-летию со дня смерти Василия Шукшина

«И прекрасна моя родина — Алтай: как бываю там, так вроде поднимаюсь несколько к небесам. Горы, горы, а простор такой, что душу ломит. Какая-то редкая, первозданная красота. Описывать её бесполезно, ею и надыхаться-то нельзя: всё мало, всё смотрел бы и дышал бы этим простором».

В. М. Шукшин

О Василии Макаровиче Шукшине, писателе, кинорежиссёре, сценаристе, актёре, лауреате Государственной и Ленинской премий, написано много замечательных книг, статей, исследовательских материалов. Мне же давно хотелось написать о его малой родине, прикоснуться к ней душой и сказать своё, пусть и негромкое, слово об этой алтайской земле, которая взрастила не один великий русский талант

Алтай разнообразен и многолик, он — дитя солнца, и в переводе с тюркского означает «золотой». Он напоминает кедровую живицу — «чашу жизни», целебную смолу сибирских кедров, запахом которой, как и солнечными лучами, пронизаны его горы и долины. Алтай обладает такой же способностью снимать человеческую боль, дарить огромный заряд энергии, сохранять и оберегать нравственное здоровье края своей гордой проникновенной красотой. Родина Василия Шукшина — старинное сибирское село Сrostки в Бийском районе Алтайского края,

расположенное на знаменитом Чуйском тракте. Отсюда принёс писатель в литературу новые темы, новых героев, отсюда вёл их родословную. И сюда же, в Сrostки, на суд земляков возвращались его работы в литературе, кинематографе, а в последние годы жизни — и в театре. Писатель говорил, что лучше всего знает людей своего села, их судьбы открыты ему, как линии на ладони. И всегда стремился рассказать о людях только правду, не придумывая и не приукрашивая ничего, без тени сентиментальности, а только с пронзительной искренностью каждого слова.

Лишь ступив на землю Сrostок, я сразу словно попал «в гости» к Василию Шукшину — получила приглашение отведать местных пирогов в симпатичных домиках-кафе «Калина красная» и «Печки-лавочки». Везде виднелись таблички-указатели: «Дом матери В.М. Шукшина», «Дом, где родился В.М. Шукшин», «Всероссийский музей-заповедник В.М. Шукшина», «Памятник В.М. Шукшину на горе Пикет». Я чуть заплутала в небольших деревенских улочках, и ко мне сразу же подошли две пожилые женщины и доброжелательно спросили, не к Василию Макаровичу ли приехала. И это было сказано так радушно, так просто, так о живом, что поразило до лёгкой и более всех музеев и памятников убедило: здесь и земля, и люди хранят память о своём великом земляке, по крупицам собирая бесценные экспонаты. Это умение приветить сердцем даже незнакомого человека, порадоваться его добрым

мыслям и делам отличало и Шукшина. Много раз я читала, что Василий Шукшин родился в «глухом алтайском селе». Но Сrostки всего в 35 километрах от Бийска, село испокон века было большое, в крае известное и уважаемое, и всегда славилось своими хозяйственными и народными промыслами!

И само село, и окружающие его места примечательны своей многовековой историей. Чуйский тракт — одна из самых древних и наезженных дорог — служил частью Великого Шёлкового пути, связывая древние цивилизации Китая, Средней Азии и Восточной Европы. Я проехала по всему Чуйскому тракту, от нулевого километра у Бийска, через Алтайский край по Чуйской степи до границы с Монголией. Это действительно путеводная нить всего Алтая. Строительство тракта имеет свою горькую историю: основное полотно дороги построено в горькие 1930-е, во время репрессий и лагерей, ценою жизни тысяч заключённых.

Василий Макарович писал так: «Есть на Алтае тракт — Чуйский. Красивая стремительная дорога, как след бича, стегавшего по горам. Много всякой всячины рассказывает, поётся, выдумывается о нём. Все удалые молодцы, все головорезы былых лет, все легенды — всё о Чуйском тракте. Сёла, расположенные вдоль Чуйского тракта, издавна поставили ему сперва ямщиков, затем шофёров. Он (тракт) манит к себе, сблизняет молодые души опасным ремеслом, сказками, дивной красотой».

Шукшин даже использовал любимую народом шофёрскую балладу М.Михеева «Есть по Чуйскому тракту дорога» в своём фильме «Живёт такой парень». Тяжёлый труд, лирика, любовь, красота и опасность труднодоступных перевалов и крутых поворотов, ежесекундный риск для жизни — всё есть в этой песне. Текст баллады сейчас размещён на машине-памятнике в честь мужественных водителей тракта и стал гимном непростой шофёрской профессии.

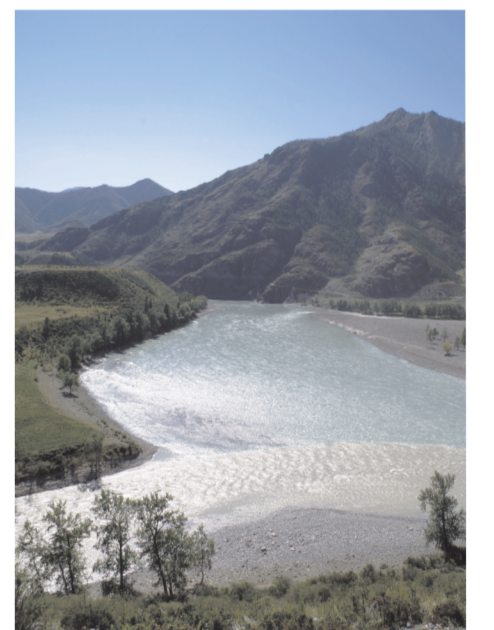
Бирюзовая река Катунь, на берегах которой вольно раскинулись Сrostки, — основная водная артерия Горного Алтая. Река берёт своё начало у главной и самой высокой вершины Алтайских гор и всей Сибири — горы Белухи, питаемая тальными водами её ледников. Ниже, в долине, у старейшего города Алтая, основанного по указу Петра I, — Бийска, где Василий Шукшин учился в автомобильном техникуме, красавица Катунь сливается с другой важнейшей рекой — Бией, и так рождается могучая Обь. Бийск называют «золотыми воротами» Алтая, он сохранил свою уникальную архитектуру, в долгой жизни многих зданий города я почувствовала таинство хранилища воспоминаний и чудно путешествия во времени. Мне больше всего понравился Музей Чуйского тракта в старинном купеческом доме, в нём хранятся не только редкие документы истории тракта, но и удобно расположились краеведческий музей имени Виталия Бианки, экспозиция, посвящённая В.М. Шукшину и В.Я. Шияшкову.

Вот в таком необычном месте стоят Сrostки, основанные в 1804 году переселенцами из сёл с реки Бии. Основная же масса жителей хлынула сюда во второй половине XIX века, после отмены крепостного права. И Шукшин, предки Василия Макаровича по линии отца, и Поповы, предки по линии матери, переселились сюда из Самарской губернии в те времена. В музее-заповеднике, разместившемся в школе, где учился Шукшин, есть удивительное родословное древо его семьи, начинающееся от прапрадедов. «Редко кому завидую, а завидую моим далёким предкам — их упорству, силе огромной... Представляю, с каким трудом проделали они этот путь — с севера Руси, с Волги, с Дона на Алтай. Я только представляю, а они его прошли... Склоняюсь перед их памятью, благодарю их самым дорогим словом, какое только удалось сбегать у сердца: они обрели — себе и нам, и после нас — прекрасную

родину. Красота её, ясность её поднебесная — редкая на земле», — так писал Василий Макарович о родных в «Слове о малой родине».

Хоть и трудно, и бедно жила семья Шукшиных, но притяжение к родной стороне, любовь к матери, желание поделиться с ней всем наболевшим, основанного по указу Петра I, — Бийска, где Василий Шукшин учился в автомобильном техникуме, красавица Катунь сливается с другой важнейшей рекой — Бией, и так рождается могучая Обь. Бийск называют «золотыми воротами» Алтая, он сохранил свою уникальную архитектуру, в долгой жизни многих зданий города я почувствовала таинство хранилища воспоминаний и чудно путешествия во времени. Мне больше всего понравился Музей Чуйского тракта в старинном купеческом доме, в нём хранятся не только редкие документы истории тракта, но и удобно расположились краеведческий музей имени Виталия Бианки, экспозиция, посвящённая В.М. Шукшину и В.Я. Шияшкову.

Вот в таком необычном месте стоят Сrostки, основанные в 1804 году переселенцами из сёл с реки Бии. Основная же масса жителей хлынула сюда во второй половине XIX века, после отмены крепостного права. И Шукшин, предки Василия Макаровича по линии отца, и Поповы, предки по линии матери, переселились сюда из Самарской губернии в те времена. В музее-заповеднике, разместившемся в школе, где учился Шукшин, есть удивительное родословное древо его семьи, начинающееся от прапрадедов. «Редко кому завидую, а завидую моим далёким предкам — их упорству, силе огромной... Представляю, с каким трудом проделали они этот путь — с севера Руси, с Волги, с Дона на Алтай. Я только представляю, а они его прошли... Склоняюсь перед их памятью, благодарю их самым дорогим словом, какое только удалось сбегать у сердца: они обрели — себе и нам, и после нас — прекрасную

Своим первозданно-объёмным и верным восприятием мира Шукшин बहुत говорил своим землякам: «Я — ваш сын и брат!»

Вот поэтому в Сrostках, в памяти людей Василий Макарович живёт до сих пор, будто он сам, а не удивительно похожая на него скульптура В.Клюкова, сидит босой на широкой поляне горы Пикет и смотрит на родные места, как любил делать писатель при жизни. Я тоже с удовольствием посидела на самой маковке горы, рядом с памятником, на уютно-мягкой траве. Небо, пронзительно-васильковое, словно обнимало по плечи. И волшебное было слышна тишина, и пахла она мёдом. А на памятнике надпись — «Василию Макаровичу Шукшину с любовью русские люди»...

Когда на Пикете, у памятника, прохладят Шукшинские дни, огромное пространство горы еле вмещает всех желающих сказать и услышать о Василии Макаровиче доброе слово. А он тоже словно сидит между пришедшими, лицо его мудро и задумчиво, он смотрит с высоты горы на Катунь, на родные просторы и думает: «Какой-то ненормальный я человек. Иногда так убиваюсь по родной стороне, что места себе не нахожу. Весь свет клином на Алтае сошёлся, и самое яркое окошко — мои Сrostки. Ностальгия... и чего бы, кажется, помнить? Военное лихолетье, холод да голод, безотцовщина, работа дудильная. А вот, поди ж ты! Нет ничего милее родного края, и краше, и святее...»

Нина ПОПОВА